

ПЕРЕХОДЪ ВОЙСКЪ ДАГЕСТАНСКАГО ОТРЯДА

ЧЕРЕЗЪ ГЛАВНЫЙ ХРЕБЕТЪ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЪ ГУТУРЪ-ДАХЪ

въ 1853 году.

(Изъ воспоминаній кавказца.)

Походъ историческій и безпримѣрный.

(Приказъ по кавказскому корпусу.)

Кто служилъ въ рядахъ кавказскихъ войскъ, кто сроднился съ Кавказомъ, тотъ навсегда сохраняетъ въ душѣ самое пріятное воспоминаніе объ этомъ времени своей жизни и о роскошномъ, чудномъ и своеобразномъ краѣ, который онъ долженъ былъ покинуть по какому бы то ни было случаю.

Причина подобнаго чувства заключается, я думаю, не столько во вліяніи климата и природы, сколько въ самой жизни кавказца, полной трудовъ и лишеній, но привлекательной разнообразіемъ впечатлѣній, часто сильныхъ, и беззаботностію, неразлучною съ сознаніемъ всегдашней опасности за жизнь. Сегодня живъ, завтра нѣтъ, такъ стоитъ ли думать о будущемъ! говорить кавказецъ.

Двѣ трети года, а часто и по цѣлымъ годамъ, кавказецъ проводитъ въ походѣ или въ стоянкѣ на передовой линіи и рѣдко видитъ даже штабъ-квартиру. Какойнибудь мѣсяцъ или

два, преимущественно зимнихъ, дадутъ отдохнуть—и опять въ походъ. За то весело же и живутъ тогда! Бываютъ семейные вечера, собранія, театры; о серьезномъ думать некогда: на то есть походъ да скучная стоянка.

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, мирно пріютившись въ одномъ изъ уголковъ нашей матушки Руси, я рѣшаюсь подѣлиться бѣглыми впечатлѣніями, которыя, со всѣми малѣйшими подробностями, живо рисуются въ моей памяти.

Воспоминанія мои относятся къ 1853 году, къ походу войскъ дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Монсея Захаровича Аргутинскаго-Долгорукова на Лезгинскую кордонную линію — къ походу, названному въ приказѣ по бывшему кавказскому корпусу *историческимъ и безпримѣрнымъ*.

I.

Съ 1849 года, послѣ неудачной осады укрѣпленнаго аула Чохъ, военныя дѣйствія въ Дагестанѣ ограничивались охраненіемъ нашихъ границъ отъ вторженія горцевъ. Съ наступленіемъ весны, или, лучше сказать, съ открытіемъ дорогъ въ горахъ, послѣ стаянія ситговъ, выставлялись небольшіе отряды въ числѣ нѣсколькихъ баталіоновъ, при вводитѣ или дивизионѣ горныхъ единороговъ, и нѣсколькихъ сотенъ мѣстной милиціи, на пунктахъ болѣе важныхъ въ военномъ отношеніи, наприкладъ: на кутишинскихъ и гамашинскихъ высотахъ, замыкающихъ путь въ Акушу и Казикумухское ханство, на Кашальскомъ хребтѣ или въ Челихурскомъ ущельѣ, близъ разореннаго аула Челихуръ, для предохраненія путей, ведущихъ въ Самурскій округъ, въ Табассаранъ и Каиттахъ.

Кромѣ охраненія границъ, отряды должны были слѣдить за сборомъ партій, которыя обыкновенно собиравлись послѣ праздника наурусъ-байрама, и двигаться въ ту или другую сторону, смотря по надобности. Въ половинѣ іюля, отряды, расположенные на Кутишахъ и Гамашахъ, переходили на Турчи-дахъ, довольно большую плоскую возвышенность (майданъ), при подошвѣ которой съ западной стороны лежитъ аулъ Чохъ, гдѣ и оставались до наступленія времени тумановъ, то есть до конца августа или начала сентября. На Турчи-дахъ пріѣзжалъ тогда и командующій войсками въ Дагестанѣ со своимъ штабомъ.

Такъ было и въ 1853 году.

Въ началѣ іюля, до гамашинскихъ высотъ дошли слухи, что князь Аргутинскій-Долгоруковъ пріѣхалъ изъ-заграницы, гдѣ онъ пользовался отъ болѣзни (паралича); почему и начали ожидать его прибытія въ отрядъ, слѣдовательно и сбора отряда на Турчи-дахъ. Этого въ особенности съ нетерпѣніемъ ожидали солдаты, потому что службы въ маленькихъ отрядахъ несравненно тяжелѣе. Кромѣ постоянного приготовленія кизяка и аванпостной службы, солдату почти каждый день доводится сходить, или въ числѣ фуражировъ, или въ ихъ прикрытіи, за нѣсколько верстъ отъ стоянки. На Турчи-дахъ фуражировка производилась на той же самой плоскости, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ или баталіона, если фуражировали къ сторонѣ Чохъ. Слѣдовательно, солдатъ ходилъ и рѣже и ближе.

По пріѣздѣ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, князь Аргутинскій не могъ долго оставаться тамъ. Его дѣятельная натура жаждала поскорѣе увидѣть горы, особенно Турчи-дахъ, о которомъ онъ вспоминалъ даже въ Лондонѣ, сравнить тамошній туманъ съ туманомъ турчидахскимъ, что намъ передалъ состоявшій при немъ, для прислуги, поручикъ милиціи Глахунъ (*). Въ концѣ іюля, князь выѣхалъ изъ Шуры на Турчи-дахъ, куда тогда же и собрался отрядъ, въ числѣ 12 баталіоновъ пѣхоты, 8 или 10 горныхъ единороговъ, 2 полевыхъ легкихъ орудій, 4 дивизіоновъ нижегородскихъ драгуновъ и нѣсколькихъ сотенъ донскихъ казаковъ и милиціи.

Съ приходомъ войскъ всегда оживаетъ пустынный Турчидахъ. На немъ является городокъ, съ правильно разбитыми улицами, посреди котораго устроенъ базаръ, состоящій изъ двухъ параллельныхъ рядовъ палатокъ разной формы и величины. Чего, чего нѣтъ на этомъ базарѣ: дрова, табакъ, трубки, вырѣзанныя изъ корня, съ оправой, бурки, башлыки, оружіе, сѣдла со всѣми принадлежностями, бязь, сукна, фрукты; тутъ же и азіатская кухня, приготавливающая свой неизмѣнный бозбашъ и пловъ, и въ заключеніе всего горячіе блины, которые пекъ смѣтливый русскій мужичекъ-промышленникъ.

Базаръ постоянно полонъ народомъ. Одни приходятъ купить

(*) Такіе слуги-офицеры первѣе встрѣчаются на Кавказѣ. Какой нибудь изъ туземцевъ, служа своему начальнику, числится въ милиціи, гдѣ и получаетъ награды, начиная съ серебряной медали, знака отличія военнаго ордена, темляка на шопку, дослуживается наконецъ и до прапорщика милиціи, не переставая исполнять прежнюю должность.

чтонибудь, но такихъ мало, — большею же частию такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, поглазѣть. Говоръ, смѣхъ, крикъ, брань на всѣхъ языкахъ и лай собакъ, все сливается въ одинъ нестройный шумъ, акомпанируемый зурной и громкой пѣснью Татарина.

Интересно послушать, какъ покупаетъ чтонибудь солдатъ у Татарина, не понимая татарскаго языка. Вотъ прислушайтесь къ этому солдатику: онъ хочетъ купить трубку, беретъ ее, внимательно разсматриваетъ оправу и, убѣдившись, что она ему годится, пресерьезно обращается къ продавцу-Татарину:

— Сату? (*)

— Сату.

— Ныча?

— Ярымъ монетъ.

— Охъ анъ шалтай-болтай.

— Ты самъ шалтай-болтай, а я нѣтъ.

Тутъ начинается перебранка, которая, впрочемъ, оканчивается тѣмъ, что оба поладятъ, и трубка достанется солдату за какіенибудь три или четыре шаура (**).

На базарѣ случается много забавныхъ сценъ. Солдатику хочется купить чтонибудь, а денегъ нѣтъ; вотъ онъ и пускается на шутки, по пословицѣ: «голь на выдумки хитра». Нѣсколько солдатъ вплотную обступаютъ Кумухца, продающаго яблоки. Одинъ изъ краснобасвъ начинаетъ торговать нѣсколько яблоковъ, отпуская Кумухцу множество любезностей; другой же солдатикъ, попроворнѣе, ножницами разрѣзываетъ тотъ карманъ бешмета, въ который Татаринъ кладетъ вырученные деньги. Когда карманъ разрѣзанъ, тогда первый солдатъ, взявши яблоки, отдастъ деньги Кумухцу. Этотъ сперва посмотрѣлъ на шауръ, потомъ подбросилъ его кверху ногтемъ большого пальца и, убѣдившись, что шауръ настоящій, покойно опустилъ въ разрѣзанный карманъ, откуда онъ, конечно, упалъ въ подставленную фуражку. Торгъ возобновился, и снова вырученный плъ-

(*) — Продлешь?

— Продаю.

— Сколько?

— Полъ-монеты.

— Нѣтъ, ты *шалтай-болтай*.

Слово непереподимое, смыслъ его: прешь, братъ!

(**) Три или четыре пятака серебромъ. Вообще у всѣхъ горцевъ ит. употребленіи: монетъ (рубль серебромъ), ярымъ-монетъ (полъ-рубль), абазъ, самая употребительная монета (20 к. с.), и шауръ (8 к. с.).

такъ падалъ сквозь карманъ въ фуражку слѣдующаго солдата. Такая операція продолжается, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока въ мѣшкѣ не оставалось ни одного яблока. Кумыхецъ, очень довольный своей торговлей, вмѣстѣ съ послѣдней выручкой опускаетъ руку въ карманъ, но вмѣсто выручки находитъ карманъ пустымъ, да еще разрѣзаннымъ. Тутъ только онъ смекнулъ, почему его торговля шла такъ успѣшно.

Ему такъ понравилась находчивость солдатъ, что онъ расхохотался во все горло, приговаривая: «биръ шауръ весь армутъ сату, яхши урусъ-солдатъ» (*).

Стоянка на Турчи-дахъ могла бы назваться веселымъ отдыхомъ для солдатъ, еслибъ было какое нибудь топливо; за неимѣніемъ его, войска должны готовить сами кизякъ для варенія себѣ пищи. Хотя доставка подобнаго рода топлива и лежитъ въ родѣ повинности на жителяхъ Казикумухскаго ханства, но они привозятъ его въ маломъ количествѣ, да и то только въ первое время. Дрова же если и привозятся, то продаются по чрезвычайно дорогой цѣнѣ—по рублю и по полтора за маленькій ишачій выюкъ; несмотря на то, ихъ разбираютъ на-расхватъ офицеры, такъ какъ приготовленная на кизякѣ пища имѣетъ непріятный запахъ.

Мы простояли на Турчи-дахъ до 27 августа, до дня высту-
пленія на Лезгинскую кордонную линію.

Прежде, нежели начну описаніе этого замѣчательнаго похода, считаю нелишнимъ познакомить читателя съ личностію князя Аргутинскаго-Долгорукова.

Военныя способности его обнаружались первоначально при усмиреніи бунта въ Мингреліи, а потомъ при командованіи войсками въ южномъ Дагестанѣ; дѣла же кюлюлинское, мескиджинское и ахтинское окончательно упрочили за нимъ славу даровитаго въ высшей степени военачальника. Въ первый разъ я видѣлъ князя Аргутинскаго гораздо позднѣе, именно въ то время, къ которому относится мой разсказъ, по возвращеніи его изъ-заграницы. Ему было тогда лѣтъ шестьдесятъ. Боевыя труды и болѣзнь уже ослабили его физическія силы; но непоколебимо твердый характеръ и желѣзная воля одушевляли его до того, что онъ казался еще довольно бодрымъ, хотя немного уже былъ сгорбленъ.

Глядя на князя, трудно было предположить, что въ этомъ

(*) За одинъ пятакъ всѣ яблоки продалъ. Молодецъ русскій солдатъ!

по паружности вломъ и полуразрушенномъ старикъ таялось еще столько юношеской бодрости, отражавшейся въ его умныхъ, сверкающихъ сѣрыхъ глазахъ. Взглядъ князя, всегда пристальный, былъ до такой степени выразителенъ и проникателенъ, что становилось неловко подъ его вліяніемъ. Казалось, онъ видѣлъ человека насквозь, проникалъ въ самыя сокровенныя тайны души. Зная, вѣроятно, такую силу своего взгляда, князь, видимо, дорожилъ ею. Обыкновенно глаза его были потуплены; но онъ быстро поднималъ ихъ тогда, когда хотѣлъ убѣдиться въ истинѣ разсказываемаго, — и горе тому, въ чьемъ разсказѣ генералъ заподозрѣвалъ неправду! Отъ природы подозрительный, онъ не спускалъ глазъ до тѣхъ поръ, пока не обнаруживалась истина, и если уличенный по лжи былъ переводчикъ или лазутчикъ, то на него щедро сыпались удары княжескаго чубука.

Князь Аргутинскій былъ честенъ, истинно безкорыстенъ, за то въ высшей степени честолюбивъ, отчасти мстителенъ и упорно молчаливъ, что происходило отъ сосредоточенности въ самомъ себѣ и отъ природной скрытности. Молчаливость его иногда доходила до смѣшнаго. Разъ приходитъ къ князю, по его же требованію, одинъ изъ батареиныхъ командировъ. Онъ засталъ князя въ кабинетѣ, не занятого никакимъ дѣломъ. Князь молча пригласилъ его сѣсть и въ продолженіе получаса не сказалъ ни слова. Батареиный командиръ, предполагая, что генералъ, вѣроятно, забылъ, зачѣмъ его требовалъ, всталъ, чтобы раскланяться; но князь, какъ будто очнувшись, пригласилъ снова сѣсть, сказавъ: «садысь, лубезный, поговоримъ еще немножко», и опять замолчалъ.

Вотъ этотъ-то человекъ рѣшился провести отрядъ безъ дороги, черезъ вѣчные снѣга кавказскихъ горъ — черезъ Гутурдахъ. Я говорю: «рѣшился», потому, что князь Аргутинскій бралъ на себя огромный рискъ: онъ могъ погубить весь отрядъ.

II.

Во время стоянки на передовой линіи, и въ особенности во время передвиженія, не проходило ночи, чтобы не явились въ лагерь человекъ пять, а иногда и вдвое болѣе, лазутчиковъ изъ горъ; но изъ всѣхъ сообщенныхъ ими свѣдѣній, болѣею частью несходныхъ между собою, одно или два могли заслуживать какого нибудь вниманія.

Горецъ, разъ явившись въ лагерь и сообщивъ какое нибудь свѣдѣніе, за что получалъ хорошую плату, легко увлекается этимъ ремесломъ. Часто онъ прямо изъ дому отправляется къ Русскимъ, наговоритъ всякаго вздора и, получивши 3 рубля сер., очень довольный, возвращается въ свой аулъ.

Князь хорошо зналъ всѣ такія продѣлки и только тогда давалъ полную вѣру свѣдѣніямъ, когда они были передаваемы нѣскольکو разъ и многими лазутчиками.

Около 20 августа отъ лазутчиковъ не было отбою. Не проходило часу, чтобъ изъ цѣпи не приводили кого нибудь изъ нихъ. Всѣ они передавали, что въ горахъ начинаются сборы, съ намѣреніемъ вторгнуться въ Грузію. Князь, повидимому, не обращалъ на такіе слухи вниманія, пока одинъ изъ лазутчиковъ не вручилъ ему кагаса (*) отъ пятисотеннаго наиба шамилева, Хаджи-Ова, который писалъ, что, поссорившись съ сыномъ Шамиля Казы-Магомою, намѣренъ бѣжать къ намъ, при чемъ подтверждалъ свѣдѣнія, сообщенныя лазутчиками. Сомнѣваться въ намѣреніяхъ Шамиля болѣе было нельзя; но, несмотря на то, князь не двигался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ въ лагерь Хаджи-Овъ. Это было въ ночь съ 26 на 27 число августа.

Хаджи-Овъ сообщилъ князю Аргутинскому, что Шамиль съ большою партією (около 10,000 человекъ) уже двинулся по направленію къ Лезгинской линіи. Мѣшкать болѣе было невозможно, а потому въ ту же ночь и было отдано приказаніе о выступленіи.

Съ разсвѣтомъ 27 августа, тотчасъ по пробитіи, вмѣсто зоря, генералъ-марша, принялись сѣдлатъ лошадей, снимать палатки и укладывать свои пожитки. Черезъ полчаса уже всѣ готовы были къ движенію; ожидали только, чтобъ обовьючить лошадей, и сбора. Но вотъ ударили и сборъ. Князь, со штабомъ, первый спустился съ Турчи-даха, за нимъ кавалерія и наконецъ пѣхота съ громкой пѣснью:

Нутка! вспомнимъ-ка, ребята,
Какъ силѣли по Золнахъ,
Какъ не разъ хаджи Мурата
Мы гоняли по горамъ... и т. д.

Незадолго передъ нашимъ выступленіемъ наступило время тумановъ, покрывавшихъ каждое утро весь Турчи-дахъ и ущелья,

(*) Письмо.

какъ пеленой, густымъ слоемъ удушливаго пара. Въ этотъ же день утро было довольно морозное, и, вмѣсто тумана, надъ Турчидахомъ опустилось бѣлое покрывало инея, какъ будто онъ хотѣлъ оставить лучшее воспоминаніе по себѣ въ тѣхъ, кому уже не суждено было видѣть его.

Спускъ съ Турчи-даха, несмотря на то, что войска приходили туда ежегодно, былъ крайне затруднителенъ, въ особенности со стороны аула Бешкю, по которому отрядъ началъ спускаться, вѣроятно, для того, чтобы хотя на первое время привести въ заблужденіе жителей селенія Чохъ, зорко слѣдившихъ за нами.

Дорога до Кумуха, главнаго селенія Казикумухскаго ханства, довольно хороша, разумѣется въ смыслѣ кавказскомъ: большею частию она идетъ по ущелью и поднимается только около самаго Казикумуха. По приходѣ туда, войска занялись сдачею лишннихъ вещей, какъ-то: полушубковъ, лѣтнихъ шароваръ и шинелей, въ склады Казикумухскаго укрѣпленія, расположеннаго по другую сторону Казикумухскаго-Койсу, такъ какъ далѣе приказано было слѣдовать отряду налегкѣ.

Вечеромъ, по окончаніи служебныхъ занятій, нѣсколько человѣкъ офицеровъ отправились навѣстить правителя ханства, генералъ-маіора Агаларъ-Хана, человека энергичнаго, одареннаго отъ природы свѣтлымъ умомъ и весьма здравымъ смысломъ, но не получившаго никакого образованія: потому всѣ поступки его, какъ правителя, правда, согласныя съ духомъ народа, носили на себѣ отпечатокъ деспотизма, насилія и жестокости. Шобить камнями женщину за дурное поведеніе, отрѣзать языкъ лазутчику, наложить раскаленные кизяки на грудь и животъ тремъ абрекамъ или убить своеручно виновнаго съ галерен своей сакли, было для него дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. За то и боялся и уважалъ его народъ; за то все было тихо и спокойно. Русское начальство хотя и знало обо всѣхъ самоуправствахъ Агаларъ-Хана, но по этой самой причинѣ смотрѣло на нихъ сквозь пальцы.

Агаларъ-Ханъ очень былъ радъ нашему посѣщенію, и не прошло получаса, какъ явились роскошная азіятская закуска, ромъ и шампанское, до котораго, несмотря на законъ Магомета, онъ былъ большой охотникъ, и въ заключеніе «той».

Вы спросите: что такое «той»? Это нашъ балъ, только съ маленькой разницей, происходящей отъ совершенно другаго об-

щественнаго положенія женщинъ на востокѣ. Тамъ не суждено еще женщинамъ играть роль неразгаданныхъ, неземныхъ существъ и окружать себя толпой обожателей: на востокѣ женщина—раба, и притомъ послушная раба волѣ своего господина, то есть мужа, и только одного мужа: иначе—горе ей!

Въ одной изъ комнатъ сакли, преимущественно въ кунацкой, становятся два хора: мужской и женскій; первый помѣщается около стѣны при входѣ, а второй въ противоположномъ углу. Женскій хоръ составляютъ главнымъ образомъ дѣвушки, рѣдко молодыя женщины, а иногда принимаютъ въ немъ участіе и старухи, но это такъ, для смѣха. Между хорами, на табуреткахъ, помѣщаются присутствующіе.

«Той» открывается пѣснями въ оба хора, по окончаніи которыхъ начинаются особаго рода пѣсни, или, лучше сказать, импровизаціи на извѣстный какой нибудь мотивъ. Исполняются онѣ мужчиною и женщиною поочередно; послѣ каждаго соло, хоръ дружно подхватываетъ извѣстный какой нибудь припѣвъ въ родѣ нашего: «ай калина, да ай малина». Куплетъ, пропѣтый однимъ, непременно долженъ быть отвѣтомъ на прежде спѣтый. Это, такъ сказать, импровизированный разговоръ въ стихахъ, при чемъ самолюбіе не позволяетъ кому нибудь первому отказаться отъ поединка, и потому бой продолжается до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ старшихъ гостей не прикажетъ кончить.

Помню, на состязаніе вышелъ тогда молодой, стройный Татаринъ, съ умнымъ и прекраснымъ лицомъ, быстро направивъ шаги къ какой-то дѣвушкѣ, напрасно старавшейся скрыться въ толпѣ. Увы! ему не удалось: ханъ велѣлъ выбрать старуху. Та, въ свою очередь, тоже смѣло выступила впередъ на нѣсколько шаговъ, готовая отразить нападеніи противника. Татаринъ началъ. Вотъ какъ мнѣ перевели состязаніе пѣвцовъ.

— Въ аулѣ шумъ и веселье, отчего жъ ты сидишь такая грустная на своемъ голубомъ крыльцѣ?

— Потому сижу, что меня не веселитъ чужая радость; моей же радости здѣсь нѣтъ: она далеко отсюда.

— Посмотри на меня, я-ль не молодецъ: неужели я не могу замѣнить твоей радости, моя красавица?

— Хотя ты и молодъ и хорошъ, но мой сынъ лучше.... Ахъ! гдѣ-то онъ? Не сразила ли его пуля гяура?

— Зачѣмъ вспоминать о сынѣ, моя красавица: я замѣню тебѣ сына, или, пожалуй, твоего мужа.

— Чтoбъ сто тысячъ собакъ лаяли на твою бороду за такія скверныя слова! Уйди, оставь меня!

Далѣе Татаринъ начинаеть еще спльнѣе приставать къ старухѣ со своими любезностями, на которыя отвѣтомъ служить брань, сопровождаемая выразительными жестами рукъ.

По окончаніи пѣсенъ, начинается лезгинка, подъ оглушительные звуки зурны и громкихъ ударовъ въ ладошп. Сколько граціи, поэзіи и смысла въ этомъ чудномъ танцѣ! Вотъ выходитъ мужчина изъ кружка; вмѣсто поклона, ловко взмахнувъ папaхой, обходитъ кругъ сперва довольно тихо, потомъ мчитъ какъ стрѣла, выдѣлывая удивительно ловкія па ногами. Окончивъ соло, онъ приближается къ одной изъ дѣвушекъ: та, какъ будто нехотя, съ опущенными глазами, робко выступаетъ на середину круга, стоитъ нѣсколько секундъ, какъ будто не рѣшаясь начать. Но вотъ она пошла тихо, плавно, словно лебедь плыветъ, незамѣтно передвигая ногами. Тутъ зурна начинаеть играть чаще, удары становятся громче, сильнѣе; дѣвушка же послѣ быстрыхъ поворотовъ вдругъ останавливается, какъ бы рѣшаясь на что-то, и наконецъ облетаетъ кругъ, но, встрѣтись съ мужчиной, который старается ей загородить дорогу, быстро поворачивается и мчитъ въ противоположную сторону; но и здѣсь та же помѣха. Тогда она, покоряясь судьбѣ, медленно поворачивается и еще медленнѣе, плавно отходитъ отъ танцора и незамѣтно исчезаетъ въ толпѣ. За ней и Татаринъ.

Выходитъ другая пара, третья, поочередно, до тѣхъ поръ, пока каждый изъ участвующихъ не выкажетъ своего удалства и ловкости или своей граціи и нѣги.

Послѣ танцевъ начинается удовольствіе бить палкой по спинѣ избраннаго. Это вотъ какъ дѣлается. Пропѣвши какую нибудь пѣсню въ оба хора, одинъ изъ мужчинъ выходитъ изъ своего кружка съ палкой, длиною въ аршинъ и расщепленною съ одного конца, которымъ дѣлается ударъ, для того, чтобы звукъ отъ него былъ громче. Подходя къ женскому кружку, онъ концомъ своей палки легко ударяетъ по плечу избранной. Эта выходитъ изъ круга и садится на поставленный по серединѣ табуретъ; мужчина же съ палкой становится рядомъ съ ней. Пѣсни начинается снова, въ продолженіе которой онъ палкой бьетъ тактъ по спинѣ сидящей красавицы. Это особенный родъ выраженія любви посредствомъ палочныхъ ударовъ, иногда до того сильныхъ, что долго остаются слѣды подобной любви.

По окончаніи пѣсни, палка передается битой красавицѣ, которая, въ свою очередь, выбираетъ мужчину и точно также, подѣ тактъ пѣсни, награждаетъ спину возлюбленнаго палочными ударами.

Долго пропировали бы мы и разсвѣтъ не удивилъ бы насъ; но звуки генераль-марша заставили наскоро проститься съ ханомъ, который объявлялъ, что идетъ въ походъ вмѣстѣ съ нами и со своими четырьмя сотнями молодцовъ-Казикумухцевъ.

Оставивъ всѣ лишнія тяжести, какъ я уже сказалъ, въ Кази-Кумухскомъ укрѣпленіи, отрядъ, 28 числа, выступилъ по направленію къ Хозреку, черезъ деревни Шаралию и Шауруклю, по дорогѣ уже извѣстной и, такъ сказать, избитой солдатскими сапогами (*). Хотя до Хозрека считается только 28 верстъ, на дѣлѣ же верстъ 35, однако переходъ былъ довольно легкій. Встрѣтился одинъ только перевалъ, чрезъ Сумбатъ, и то хорошо обработанный. Далѣе дорога идетъ сперва по рѣкѣ, чрезъ которую нужно переходить разъ двадцать, а потомъ по ущелью, постепенно понижаящемуся вплоть до самаго Хозрека.

Аулъ Хозрекъ, живописно расположенный, въ видѣ амфитеатра, по отлогости хребта, отдѣляющаго Табасаранъ отъ Казикумухскаго ханства, заселенъ одними узденями (людьми, не платящими податей хану, но отправляющими повинности, именно: они поставляютъ топливо и арбы при проходѣ войскъ).

Постройка ауловъ въ видѣ амфитеатра, принятая всѣми жителями Дагестана, конечно, не вслѣдствіе ихъ изящнаго вкуса, а по необходимости, происходящей отъ чрезмѣрно малаго количества пахатныхъ полей—и ихъ тѣсная постройка имѣютъ огромныя выгоды при оборонѣ, что и было испытано нашими войсками неоднократно. Такъ, напримѣръ, при штурмѣ аула Шилаги, въ январѣ 1852 года, гдѣ, какъ говорили, было не болѣе 40 человекъ мюридовъ, мы потеряли до 500 человекъ убитыми и ранеными. Еще разительнѣйшій примѣръ представляетъ взятіе Салтовъ, въ 1848 году. Несмотря на многочисленность нашего отряда, Салты до тѣхъ поръ не могли быть взяты, пока держались тамъ горцы.

(*) Кавказскія войска снабжаются длинными сапогами, которые хотя очень удобны, но слишкомъ тяжелы, по причинѣ набиваемыхъ на всю подошву гвоздей съ полукруглыми шляпками для большей прочности. Безъ подобной предосторожности, подошвы не могли бы выдерживать не только цѣлой экспедиціи, но и одного перехода по каменистому грунту Дагестана. Сапогъ вѣситъ до 10 фунтовъ, а съ налипшей грязью вдвое болѣе.

Каждая сакля, по подобной постройкѣ ауловъ, представляетъ какъ бы особое укрѣпленіе, котораго иначе нельзя взять, какъ штурмомъ. Если же горцы увидятъ невозможность отстоять какую либо саклю, то переходятъ въ другую, чрезъ проломъ въ стѣнѣ, которую снова надо брать штурмомъ.

Погода до сихъ поръ стояла прекрасная; солнце не грѣло, а жгло своими лучами, будто въ июлѣ. Изрѣдка перепадавшій дождь освѣжалъ воздухъ, чистый, прозрачный, ароматическій. Туманы появлялись только по утрамъ, до восхода солнца. Утромъ же 29 числа и тумана не было; на небѣ ни облачка. Казалось, сама погода благопріятствовала нашему вступленію въ горы. Случилось иначе. Встрѣтившись съ однимъ изъ знакомыхъ хозринскихъ старшинъ и обмѣнявшись обыкновенными татарскими привѣтствіями, я заговорилъ о погодѣ.

— Чохъ яманъ будытъ (*), отвѣчалъ старшина.

— Почему? Посмотри: на небѣ ни облачка.

— На небѣ нѣтъ, Рычинская гора есть.

Посмотрѣвши на Рычинскую гору, я рѣшительно не замѣтилъ ничего, кромѣ пятнышка тумана на сторонѣ, обращенной къ солнцу, о чемъ и сообщалъ старшинѣ.

— Это я есть. Часъ прошелъ, два прошелъ, дождь пойдетъ. Олъ (**) совсѣмъ пропалъ.

Дѣйствительно, не успѣли мы пройти и половину Нусь-дахскаго ущелья, какъ ужъ все небо подернулось облаками, а на привалѣ, предъ самымъ подъемомъ на Нусь-дахъ, полилъ дождь, какъ изъ ведра. Справедливъ былъ старшина: олъ совсѣмъ пропалъ.

Образованіе облаковъ въ горахъ—явленіе чрезвычайно любопытное, далеко не похожее, какъ помнится, на объясненіе учителя географіи, что, дескать, облака образуются въ верхнихъ слояхъ атмосферы, отъ сгущенія поднявшихся изъ земли испареній. Въ горахъ не такъ. Обыкновенно утромъ, при совершенно ясной погодѣ, вы видите, положимъ, хотя на Рычинской горѣ, пятнышко тумана, въ поперечникѣ не болѣе аршина. По мѣрѣ увеличивающейся теплоты, и пятнышко расшрелется въ объемъ, принимаетъ форму облака, какъ будто прикрѣпленнаго

(*) Очевъ дурное будетъ.

(**) Олъ—дорога.

къ горѣ, которое, въ свою очередь разростаясь, сперва закрываетъ ущелье, а черезъ нѣсколько часовъ и весь горизонтъ.

Еще въ то время, когда лазутчики, одинъ за другимъ, приносили свѣдѣнiя изъ горъ о намѣренiи Шамиля вторгнуться на Лезгинскую линiю, килземъ Аргутинскимъ было отдано приказанiе Агаларъ-хану разработать дорогу черезъ Нусть-дахъ, которая до этого времени состояла изъ тропинки, едва проходимой для инама. Это было исполнено жителями Казикумухскаго ханства, подъ руководствомъ хаджи Бутая, приближеннаго лица Агаларъ-хана, и исполнено такъ хорошо, что лучше и желать было нельзя, особенно принявъ въ расчетъ, что дорога прокладывалась, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по цѣльнымъ пространствамъ людьми, которые и попитiя не имѣли о шивелированiи. Дорога, шириною не менѣе трехъ аршинъ, поднимается первоначально длинными и отлогими зигзагами, которые, чѣмъ выше, тѣмъ становятся все короче и круче, такъ что при самой вершинѣ длина зигзаговъ не болѣе 15 или 20 сажень, при крутизнѣ до 25 градусовъ. Привыкшия лошади едва переставляли ноги.

При такой разработанной дорогѣ перевалиться черезъ гору было бы для войскъ дѣломъ нетруднымъ, еслибъ, какъ я уже сказалъ, не проливной дождь, испортившiй дорогу, въ особенности при началѣ подъема, на глинистомъ грунтѣ. Подобная дорога — сущая бѣда для солдата-пѣхотинца. Каждый солдатъ согласился бы охотнѣе сдѣлать 30 верстъ по хорошей, ровной дорогѣ, чѣмъ какiя нибудь 5 или 6 верстъ по распутившейся глини. Больше всего утомили солдатъ непрерывныя остановки отъ выковокъ, которыхъ было въ отрядѣ далеко за тысячу. Лошади, обремененныя тяжестiю, постоянно скользятъ и падаютъ, загораживая проходъ заднимъ, который должны стоять, пока не поднимутъ и снова не обовьючатъ лошадей, на что нужно не менѣе получаса. Во время такихъ остановокъ солдату нельзя ни прилечь, ни присѣсть, даже взять къ ногѣ ружье, потому что грязь по колѣно. Далѣе дорога пошла лучше, за то дождь смѣнился снѣгомъ съ вѣтромъ и холодомъ, прохватывавшимъ до костей. Одинъ изъ духаничковъ, взбравшись на самый перевалъ, присѣлъ немного отдохнуть, заснулъ и не проснулся: онъ замерзъ. За исключенiемъ этого случая, всѣ добрались благополучно до лагеря, расположеннаго въ Арахкулъскомъ ущельѣ между деревнями Арахкуломъ и Катрухомъ. Здѣсь отрядъ имѣлъ ночлегъ на берегу рѣки Кара-Самуръ.

Къ отряду присоединились два батальона пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка (что нынѣ Ширванскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича полкъ), находившіеся лѣтомъ въ Челихурскомъ ущельи, для охраненія границъ Самурскаго округа.

Изъ Арахкула на Лезгинскую линію ведутъ три дороги (*). Первая изъ нихъ самая дальняя, но за то хорошо обработанная, а потому и болѣе удобная для слѣдованія войскъ съ артиллеріей и обозомъ. Эта военно-ахтинская дорога идетъ изъ Арахкула на Лучекъ, Рутулъ, Борчъ, переваливается черезъ главный хребетъ, называемый въ томъ мѣстѣ Салаватомъ, и спускается въ Шинское ущелье, находящееся въ пяти переходахъ отъ укрѣпленія Закаталы. Цѣлю проложенія дороги было, конечно, постоянное сообщеніе Дагестана съ Лезгинской линіей; но цѣль не оправдывалась, потому, во первыхъ, что зимою дорога заносилась снѣгомъ такъ, какъ будто ея совсѣмъ не было, и, во вторыхъ, въ случаѣ скораго передвиженія войскъ съ той или съ другой стороны, какъ показалъ настоящій походъ, они не могутъ быть двинуты по ней: на это потребовалось бы слишкомъ много времени.

Вторая дорога, или, лучше сказать, тропа, по которой можетъ проѣхать конный, проложенная жителями (**), тянется черезъ Катыльскій хребетъ, на разоренный аулъ горнаго Магала Дженихъ (на Самурѣ), сел. Сарибашъ, на главномъ хребтѣ, и спускается въ Елису.

Хотя эта дорога нѣсколькими переходами и ближе къ Закаталамъ, но болѣе затруднительна для движенія войскъ, и потому выигрышъ во времени былъ бы одинъ и тотъ же. Кромѣ того, двигаясь по той или этой дорогѣ, мы не могли угрожать отступленію Шамиля, по причинѣ большаго удаленія этихъ дорогъ отъ центра настоящихъ военныхъ дѣйствій.

Третій путь, точнѣе третье направленіе, самое короткое, но и самое трудное для движенія войскъ, по неимѣнію не только дороги, но даже и тропинки, вело прямо къ Закаталамъ.

(*) Всѣ эти три дороги проходимы только лѣтомъ; зимою же сообщеніе между Дагестаномъ и Грузією производится или черезъ линію, или черезъ Шемаху и Елисаветполь.

(**) У горцевъ всѣ дороги имѣютъ три подраздѣленія: арбанал, коншал и пѣшал. Послѣдній собственно не дорога, а просто великое мѣсто, по которому возможно пройти пѣшему.

Этотъ-то опасный путь и былъ принять княземъ Аргутинскимъ, съ цѣлю если не отрѣзать отступленіе, то, по крайней мѣрѣ, угрожать, въ случаѣ, еслибъ Шамиль вздумалъ, не обративъ вниманія на движенія нашего отряда, спуститься на плоскость, что онъ навѣрное и сдѣлалъ бы, еслибъ мы пошли не по этой дорогѣ. Итакъ, отрядъ, имѣвшій, по обыкновенію, въ головѣ штабъ и артиллерію, 30 августа началъ подниматься на Дульди-дахъ.

Вчерашній дождь сегодня смѣнился туманомъ, да такимъ густымъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ не было видно человѣка; потому для предосторожности, чтобъ какая нибудь часть не сбилась съ дороги, было послано въ каждый баталіонъ по проводнику. По мѣрѣ подъема, туманъ становился рѣже и рѣже; наконецъ, сквозь него начали просвѣчивать и солнечные лучи, а затѣмъ показалось и солнышко, открылось лазуревое небо.

На самомъ перевалѣ я остановился немного отдохнуть. Предо мной была поразительная картина. Представьте себѣ недвижимое, будто застывшее, море тумана, посреди котораго торчатъ вершины горныхъ хребтовъ, мертвую тишину, прерываемую только мѣрымымъ шагомъ солдатъ да отдаленнымъ шумомъ горнаго потока. Но вотъ подулъ вѣтерокъ, и мертвое море тумана, словно по маговенію волшебнаго жезла, вдругъ начинаеть волноваться и, поднимаясь, исчезаетъ въ воздушномъ пространствѣ. Перспектива горъ ярко освѣщена солнцемъ.

Дорога черезъ Дульди-дахъ довольно спосная; попадались, правда, мѣста, гдѣ всѣ конные считали за лучшее идти пѣшкомъ, ведя въ поводу лошадей, но такихъ мѣстъ было мало. Отрядъ, благополучно переваливавшись, расположился на ночлегъ тотчасъ по спускѣ съ Дульди-даха.

Чѣмъ дальше мы углублялись въ горы, тѣмъ путь становился затруднительнѣе. О дорогѣ не было и помину. Отрядъ, хотя и медленно, двигался впередъ, имѣя въ авангардѣ роту саперъ, которымъ, впрочемъ, рѣдко приходилось употребить въ дѣло свой шанцевый инструментъ. «Только слава, что саперы впереди», говорили солдатики: «а толку-то мало». Да и что могли бы сдѣлать саперы, положимъ, хотя на осыпи? ровно ничего. Работай сколько хочешь, а все-таки дороги не продѣлаешь: все будетъ осыпаться. Нѣсколько солдатиковъ да два или три вьюка скатились, какъ зимой на салазкахъ, на дно самаго ущелья, откуда много трудовъ имъ стоило выбраться.

Осыпъ ничего: скатисься, но, по крайней мѣрѣ, голова останется цѣла; плохо, когда дорога идетъ по обрыву, да въ какомъ мѣстѣ еще надъ тропой скала нависнетъ, такъ что лошадь съ трудомъ проходить, а тутъ нужно пройти и артиллеріи и выюкамъ. Саперы могли бѣ, конечно, помочь горю; но такъ какъ на буреніе и взорваніе пороховъ скалъ потребовалось бы нѣсколько дней, то опять обошлись безъ ихъ искусства. Сперва развьючивали и проводили лошадей, потомъ перетаскивали на рукахъ выюки. Такихъ мѣстъ было довольно на Куртуй-дахѣ, и потому войска только къ полуночи 31 августа дотащились до подошвы Косуръ-даха, гдѣ и вѣли ночлегъ. Съ разсвѣтомъ 1 сентября начали подниматься на Косурскій хребетъ. Дорога была бы не такъ затруднительна, еслибъ не несносная дождливая погода, преслѣдовавшая насъ съ самаго Нусъ-даха и постоянно переходившая то въ туманъ, то въ снѣгъ. На этотъ разъ снѣгъ началъ перепадать еще съ ночи, а къ утру повалилъ большими хлопьями, и въ добавокъ съ вѣтромъ; но какъ было довольно тепло, то снѣгъ, падая на землю, тотчасъ таялъ, превращая дорогу, идущую почти на двѣ трети высоты по наносной почвѣ, въ липкій кисель, до крайности затруднившій слѣдованіе войскъ. Такой снѣгъ продолжался и на вершинѣ Косуръ-даха, представляющей довольно обширное продолговатое плато, и при началѣ спуска. Далѣе снѣгъ началъ смѣшиваться съ дождемъ, а у самой подошвы, куда передовая часть пѣхоты пришла часовъ около трехъ пополудни, превратился въ чистый ливень.

Наконецъ, часу въ шестомъ вечера, появились и давно ожидаемыя палатки. Нужно удивляться быстротѣ, съ какою разбираютъ ихъ привычныя руки солдатъ. Не прошло и четверти часа, и я уже сидѣлъ, переодѣвшись въ тулупъ, за стаканомъ горячаго чая, да еще въ покойномъ походномъ креслѣ.

Офицеръ кавказской арміи, ведя жизнь походную, кочевую, старается окружить себя тѣми, повидимому, ничтожными удобствами, которыя дѣлаютъ такую жизнь болѣе сносною. Если офицеръ занимаетъ палатку одинъ, то вы навѣрное найдете у него походную кровать, состоящую изъ его же походныхъ сундуковъ, соединенныхъ двумя рейками, съ натянутымъ холстомъ и прикрытой маленькимъ коврикомъ туземной работы, складной ломберный столъ съ зеленымъ сукномъ, походное складное кресло и два или три такихъ же стула. При подобной обстановкѣ, если офицеръ имѣетъ еще суконную палатку, то и штабъ-

квартиры не нужно: въ такой палаткѣ уютно и тепло, даже и въ морозъ, особенно, когда поставятъ мангалъ (*) или соберутся нѣсколько офицеровъ да засядутъ за зеленый столъ.

Солдаты кавказскій меньше прихотливы: выпить чарку водки да поѣсть незавидныхъ щей изъ сушеной капусты — онъ и доволенъ. Забывая усталость, онъ весело толкуетъ, сидя у пылающаго костра; а взгрустнется, такъ пѣсенку затянетъ.

Съ боемъ барабана вечерней зори, мгновенно все умолкаетъ; прочитавши про себя молитву, всѣ расходятся по своимъ палаткамъ, ложатся какъ попало, на сырой землѣ, часто и прямо въ грязь, только поплотнѣе прижимаются другъ къ другу, чтобъ, поскорѣе согрѣвшись, заснуть богатырскимъ сномъ.

Авангарду хорошо. Онъ давно пришелъ и давно покоится крѣпкимъ сномъ, а аррьергардъ все идетъ да идетъ. Вотъ ужъ полночь, а его все еще пѣтъ, и только къ четыремъ часамъ утра одна дотащился до почлега, пробывши въ дорогѣ безъ отдыха около двадцати-двухъ часовъ, хотя переходъ небольшой — всего какихъ нибудь верстъ 27.

По причинѣ поздняго прихода аррьергарда, на другой день, то есть 2 сентября, войскамъ была дана дневка; но что за печальная дневка! хуже всякаго перехода. Все тотъ же дождь съ изморозью, не перестававшій цѣлый день, мѣшалъ солдатамъ хотя сколько нибудь обсушиться и привести въ порядокъ свой незатѣйливый костюмъ, немного пострадавшій отъ продолжительныхъ переходовъ и постоянной сырости.

Одно утѣшеніе было для солдатиковъ: дагестанская роскошь — костеръ, пылавшій съ утра до ночи, такъ какъ лѣсу было довольно въ разоренномъ аулѣ Косуръ (Горнаго Магала), около котораго отрядъ расположился лагерь.

Офицеры тоже терпѣли недостатокъ даже въ необходимыхъ продуктахъ, которые если и были взяты маркитантами еще изъ Кумуха, то или всѣ вышли, или испортились до того, что нельзя было ѣсть ничего. Болѣе же всѣхъ терпѣли лошади, по невозможности достать фуража, такъ какъ на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ не было селенія; травы же, по позднему времени, тоже не было. Несчастные кони утоляли голодъ сухимъ деревянистымъ бурьяномъ, отгрызали другъ у друга гривы и хвосты, что, впрочемъ, было уже не въ диковинку для тѣхъ,

(*) Жаровня или, просто, вырытая среди палатки въ землѣ яма, наполненная горящими угольями.

кто былъ при осадѣ Салтовъ, откуда большая часть лошадей вернулась безгривыми и безхвостыми.

III.

Поздній приходъ арріергарда на ночлегъ у разореннаго аула Косуръ показалъ, что далѣе продолжать движеніе съ такимъ большимъ отрядомъ нѣтъ возможности, такъ какъ дорога черезъ Гутуръ-дахъ должна быть, разумѣется, еще труднѣе, еще непроходимѣе, чѣмъ черезъ побочные хребты. Было отдано приказаніе, въ которомъ, для дальнѣйшаго движенія черезъ Гутуръ-дахъ, назначались четыре баталіона Ширванскаго полка, при дивизіонѣ горныхъ единороговъ и почти всей кавалеріи; остальная же часть отряда должна была оставаться въ Косурѣ, до полученія особаго приказанія.

Такимъ распоряженіемъ не изнурялся понапрасну цѣлый отрядъ, а, между тѣмъ, цѣль движенія дагестанскаго отряда черезъ Гутуръ-дахъ могла быть вполне достигнута частію его. Вся важность состояла въ томъ, чтобы явиться въ тылу у Шамилля, показать ему, что русскія войска могутъ пройти массою тамъ, гдѣ проходятъ, и то съ большимъ трудомъ, его качаги (*), и тѣмъ пріобрѣсти надъ нимъ нравственное превосходство.

Съ разсвѣтомъ, 3 сентября, кавалерія въ одну лошадь медленно начала вытягиваться по дорогѣ, идущей по берегу р. Самура; за нею пошли и 4 ширванскихъ баталіона, имѣя посрединѣ артиллерію, а между 3 и 4 баталіономъ выюки. Такъ прошли берегомъ верстъ пять или шесть, а потомъ, круто свернувъ въ сторону и перевалившись черезъ нѣсколько побочныхъ отраслей главнаго хребта, достигли къ полудню подошвы Гутуръ-даха. Хотя направленіемъ нашему пути и служила рѣка Самуръ, вытекающая изъ Гутуръ-даха, однако мы принуждены были дѣлать обходы, потому что въ тѣхъ мѣстахъ Самуръ течетъ въ крутыхъ, обрывистыхъ, скалистыхъ берегахъ.

На этотъ разъ, къ нашему благополучію, погода была превосходная. Солнце пріятно согрѣвало коченншіе отъ мороза члены; но лучи его отражались на только что выпавшемъ снѣгѣ такъ ярко, что невозможно было простымъ глазомъ вынести ихъ ослѣпительный блескъ. Многіе, принебрегшіе обыкновеннымъ средствомъ противу такого блеска, то есть не намазавшіе ниж-

(*) Качагы — воръ, разбойникъ.

нѣ вѣки пороховою мякотью, поплативсь потерєю зрѣнія на нѣсколько дней, при сильномъ воспаленіи глазъ.

Импровизированная дорога зигзагами, при обходахъ черезъ побочныя отрасли главнаго хребта, отъ выпаиваемаго снѣга сдѣлалась до такой степени скользкою, что останавливала движеніе, по причинѣ набивавшагося снѣга между гвоздями солдатскихъ подошвъ и подъ копыта лошадей. Тѣ и другіи скользили и падали поминутно. Принуждены были въ первый разъ употребить въ дѣло саперовъ, которые, при помощи выслаанныхъ отъ баталіоновъ людей съ шанцевымъ инструментомъ, вытянувшись въ одного человека, живо обозначали направленіе дороги, счищая снѣгъ и срѣзывая дернъ шириною въ поларшина. Окончивъ работу въ одномъ мѣстѣ, переходили на другое, по указанію инженеровъ, до тѣхъ поръ, пока не достигли опять береговъ Самура и вмѣстѣ съ тѣмъ подошвы Гутуръ-даха.

Дальше разрабатывать дороги не приходилось, потому что она первоначально шла по скалистому грунту, едва прикрытому наносной землей, успѣвшей уже отвердѣть отъ наступившихъ морозовъ, а черезъ часъ ходьбы направилась по вѣчнымъ снѣгамъ, лежащимъ на Кавказѣ на высотѣ, кажется, 10,000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Какая величественная своею дикостію и суровостію природа! Все мертво; нѣтъ даже признаковъ жизни. Только журчанье быстрого Самура нарушаетъ общую тишину. По берегу его, вѣл впереди проводниковъ, медленно поднималась кавалерія; за ней шагъ за шагомъ тинулась пѣхота безъ отдыха, безъ привала. Тяжело, но безропотно дышетъ грудь солдата подъ тяжелою ношею (*), и, несмотря на усиливающійся морозъ, потъ ручьями катится по его загорѣлому, мужественному лицу, а онъ автоматически мѣрно шагаетъ по крутому подъему.

— Чтobъ ся розорвало! вдругъ слышится въ толпѣ:—просто смерть приходитъ, вся внутренность загорѣлась: хотъ испитъ бы маненько.

(*) Смотрюва пригонка ранцевыхъ ремней у войскъ кавказскаго корпуса совершенно сходна съ пригонкою ремней войскъ, расположенныхъ въ Россіи; въ походѣ же предоставляется на ихъ произволъ, не нарушал, разумѣется, разнообразія, и потому всѣ кавказскія войска пригоняють ремни по примѣру офицерской пригонки; но чтobъ вся тяжесть ранца не лежала на плечахъ, то соединяють нижніе края ремней поперечнымъ ремнемъ, который лежитъ поперекъ груди между 5 и 6 пугонцей полукафтана. Такая пригонка имѣетъ то преимущество передъ крестообразной, что не лежитъ вся тяжесть на груди; поперечный же ремень, прижимая плотно ремешекъ къ спинѣ, не позволяетъ ремнямъ рѣзаться подъ мышкой.

— Дай ружье-то, проговорить другой. Полехше будетъ, отдохнешь, а испить не могу — не велятъ. Да вотъ скоро конецъ: ишь, народу-то собралось — значитъ, спускъ.

Дѣйствительно, тамъ былъ перевалъ, на который взобралась голова пѣхоты, около пяти часовъ пополудни.

Еще наканунѣ княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ было получено извѣстіе, что елисейскій Даниель-султанъ почти со всею кавалеріею спустился на плоскость, какъ выражались тогда лазутчики, чтобъ собрать подать съ елисейскаго приставства, а Шампль готовится къ штурму укрѣпленія Мысильдигеръ.

Бѣдные Джарцы, будто стадо барановъ, оставивъ свои дома и имущество, преслѣдуемые панпческимъ страхомъ, бѣжали искать убѣжища, и гдѣ же? На вѣчныхъ снѣгахъ Гутуръ-даха. Изнуренные, они садплись отдыхать и замерзали. Изъ числа многихъ замерзшихъ, попадавшихся при подъемѣ, одна группа поразила всѣхъ насъ; даже солдаты, при всей своей усталости, при всей нелюбви вообще къ мусульманамъ, проходя мимо этой группы, сипмали шапки и набожно крестились, творя молитву по усопшимъ страдальцамъ. Эту группу составляли: женщина, бѣдно одѣтая, на видъ лѣтъ двадцати-двухъ; на колѣняхъ у нея лежалъ грудной ребенокъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, котораго она, казалось, думала предохранить отъ холода своими исхудалыми руками. У ногъ же этой женщины, скорчившись, сидѣлъ трехъ или четырехъ-лѣтній мальчикъ, напрасно старавшійся укрыться отъ холода полою ея изодраннаго бешмета, и, наконецъ, прикрывавшій всѣхъ троихъ своей буркой, Джарець. Хотѣли попробовать возвратить ихъ къ жизни.... напрасный трудъ: тѣла ихъ были тверды какъ камень.

Поднявшись на вершину Гутуръ-даха, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ упоеніемъ всѣ безъ исключенія, несмотря на усталость и холодъ, всматривались въ открывшуюся передъ нами картину. Первое, что удивило меня—это цвѣтъ неба: не голубой, а зеленый (цвѣтъ морской воды). Это явленіе, конечно, имѣетъ отношеніе къ тому, что мы смотрѣли съ высоты 14,000 футовъ; но отчего на такой высотѣ голубой цвѣтъ превращается въ зеленый — не знаю. Воздухъ былъ такъ рѣдокъ и чистъ, что предметы были видны на огромномъ разстояніи: урочища, окружающія Тифлисъ, какъ-то: Царскіе Колоды, Бѣлый Ключъ и Манглисъ, освѣщенные вечернимъ солнцемъ, казались свѣтлыми точками на темномъ фонѣ земли, а до нихъ было не менѣе ста верстъ.

Лежащее же у подножія Гутуръ-даха укрѣпленіе Новые Зака-талы было видно такъ ясно, что можно было пересчитать число оконъ въ каждомъ домѣ, между тѣмъ какъ съ вершины Гутуръ-даха до Закаталъ, по измѣренію топографовъ, сопровождавшихъ отрядъ, оказалось болѣе 60 верстъ, положимъ, по дорогѣ, но, во всякомъ случаѣ, по прямому разстоянію будетъ никакъ не менѣе верстъ 20.

Вправо, недалеко отъ насъ, ясно было видно пламя, показывающееся при выстрѣлахъ изъ орудій; гулъ доносился до насъ черезъ нѣсколько секундъ въ тысячахъ перекатахъ.

Мы воображали, что пойдемъ прямо по этому направленію, чтобы отрѣзать отступленіе скопищамъ Шамиля; мы заранѣе радовались, что придется погрѣть руки въ жаркомъ бою, въ бою на смерть, потому что каждый горецъ, не видя возможности спастись бѣгствомъ въ минуту для него опасную, скорѣе умретъ, чѣмъ попроситъ пощады у гяура. Князь Аргутинскій очень хорошо зналъ этотъ адатъ (*), но, имѣя только 4 баталіона пѣхоты, не рѣшился вступить въ кровопролитный и напрасный бой, а повелъ отрядъ по направленію къ Закаваламъ, по гребню отрога, идущаго перпендикулярно главному хребту. Впрочемъ, и безъ боя цѣль движенія нашего отряда на Лезгинскую линію достигалась вполне. Шамиль видѣлъ наши штыки на вершинѣ вѣчныхъ снѣговъ, сверкавшихъ при вечернемъ солнцѣ, и этого было довольно. Простоять день, много два, и уберется во-свойси, съ лицомъ, запачканнымъ въ грязи (**) отъ неудавшейся попытки.

Когда Шамилю дали знать о движеніи нашего отряда черезъ Гутуръ-дахъ (какъ потомъ передалъ намъ лазутчики), онъ не хотѣлъ вѣрить, продолжая спокойно блокировать укрѣпленіе Мысильдигеръ, говоря, что Русскіе не могутъ пройти тамъ, гдѣ не всякій горецъ отважится пройти.

Къ часамъ шести собрался на перевалѣ весь, бывшій тогда впереди, 3 й баталіонъ Ширванскаго полка, а вслѣдъ за нимъ начали подтягиваться и другіе. Между тѣмъ, солнце уже сѣло, и быстро наступающіи сумерки мѣшали различать предметы; только очерки горъ отчетливо обрисовывались на безоблачномъ небѣ. Морозъ усиливался, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами грѣвшихся пляскою солдатъ. Пора и дальше въ путь, да попалося

(*) Обычай.

(**) Восточное выраженіе.

мѣсто, шаговъ въ пятьдесятъ не больше, при подъемѣ въ 40°; около котораго столпилась кавалеріа, заграждая дорогу пѣхотѣ. Лошади, почти во всей кавалеріи на Кавказѣ некованныя на заднія ноги, поднимаясь по крутому подъему, скользили, падали и, скатываясь, подшибали сзади идущихъ, которыя въ свою очередь дѣлали тоже. Едва часамъ къ восьми дорога сдѣлалась свободною. 3-й баталіонъ, хорошо отдохнувши, тронулся тотчасъ же по гребню хребта, состоящаго изъ ряда остроконечныхъ пиковъ или шишекъ, какъ мы тогда ихъ называли. Съ перевала было видно ихъ три, за которыми, какъ мы предполагали, и начинается спускъ. Между тѣмъ такъ стемнѣло, что едва можно было различить слѣдъ, оставленный кавалеріей. Пройдя версты полторы по узкой тропинкѣ остроконечнаго гребня и перевалившись черезъ одну изъ шишекъ, дорога немного свернула вправо, чтобъ обогнуть другой пикъ, состоящій изъ отвѣсныхъ скалъ. Она, въ этомъ мѣстѣ, состояла изъ тропинки въ поларшина шириной, проложенной по сугробу снѣга, прибитаго къ отвѣсной скалѣ. Это, такъ сказать, былъ мостъ длиною шаговъ двѣнадцать, перекинутый надъ бездонной пропастью, черезъ который, съ большою осторожностію, могутъ пройти чловѣкъ и привычная горная лошадь, вступающая въ одинъ слѣдъ; объ артиллеріи же и о выюкахъ нечего было и думать. И то и другое нужно было перетаскивать на рукахъ, и не иначе, какъ днемъ. Отдано было приказаніе начальникомъ пѣхоты, чтобъ баталіоны остановились на ночлегъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застанетъ ихъ приказаніе; 3-й же баталіонъ, уже начинавшій переходить это опасное мѣсто, долженъ былъ продолжать спускаться до мѣста, гдѣ найдетъ князя съ кавалеріей.

Положеніе отряда было въ высшей степени незавидно. Оставшіеся почевать на вершинѣ Гутуръ-даха были безъ палатокъ (хотя онѣ и были, да разбивать ихъ было негдѣ), безъ дровъ, слѣдовательно и безъ теплой пищи, и безъ живительнаго огонька, около котораго бы могли обогрѣться отъ сильнаго мороза, при маленькомъ вѣтрѣ, проникавшемъ до костей. Стояло только прилечь и вздремнуть, чтобъ заснуть вѣчнымъ сномъ; почему строго наблюдалось ближайшими начальниками, чтобъ никто изъ солдатъ не смѣлъ даже садиться; приказывалось какъ можно больше имѣть движенія, играть, бѣгать, плясать и пѣть пѣсни, по пословицѣ

Нужда скачотъ,
Нужда плшотъ,
Нужда пѣсонки поетъ.

Но какопо было плясать и пѣть съ голоднымъ желудкомъ, съ утомленными до изнеможенія физическими силами! А все-таки плясали, и русская веселая пѣсня громко раздавалась на вершинахъ вѣчныхъ снѣговъ, не умолкала ни на минуту, вплоть до утренней зори. Несмотря, однако, на всѣ предосторожности и на удвоенную дачу спирта, многіе поотморозили себѣ носы и пальцы на рукахъ и на ногахъ; пныхъ закопали въ снѣгахъ Гутурь-даха.

3-му баталіону тоже пришлось не лучше. Переходъ черезъ снѣжный мостъ стоилъ многихъ жертвъ. То казачья лошадь, мало привыкшая къ горнымъ тропинкамъ, оступалась, падала на бокъ, катилась по снѣжному сугробу и падала Богъ вѣсть куда: только отдаленный глухой шумъ, едва донесшійся черезъ нѣсколько минутъ, извѣщалъ, что гдѣ-то она ударилась о землю. Влѣстѣ съ лошадью уносилось и все достояніе казака, тщательно хранимое въ сѣдѣльной подушкѣ. Бѣдный казакъ стоитъ, не зная, на что рѣшиться, какъ громомъ пораженный; горячія слезы такъ и льются по его смуглому лицу. Жаль ему и коня, и имущества, и нѣсколькихъ съ трудомъ накопленныхъ рублей. Но вотъ раздался въ его ушахъ гулъ, какъ отголосокъ потеряннаго счастія, и онъ, махнувъ рукой, поплелся вслѣдъ за другими.

За лошадью спотыкнется и солдатъ, тщетно усиливаясь удержаться за снѣгъ. Увы! ледъ его не держитъ; онъ катится по тому же сугробу, останавливается на минуту, какъ будто для того, чтобъ въ послѣдній разъ взглянуть на Божій міръ, дѣлаетъ еще послѣднее усиліе и, теряя равновѣсіе, извергается въ бездну....

Миновать наконецъ опасный мостъ, баталіонъ медленно, почти ощупью, началъ подвигаться впередъ, непрерывно переваливаясь черезъ крутыя шишки хребта. Поднимаясь на какую нибудь пзъ нихъ, думаешь: ну, вотъ послѣдняя; не тутъ-то было: поднимаешься и видишь, что много еще бѣлоголовыхъ торчатъ передъ глазами, обрисовывая свой контуръ на темномъ безвѣздномъ небѣ. Многіе до такой степени были утомлены суточнымъ переходомъ, что падали отъ изнеможенія, предоставляя себя на произволъ судьбы. Но кто-то впередъ крикнулъ

«спускъ», и лежавшіе передъ тѣмъ какъ полумертвые живо вскакивали и продолжали идти безъ всякаго признака утомленія. Въ самомъ же дѣлѣ это не былъ спускъ, а только дорога здѣсь немного приняла въ сторону, чтобъ обогнуть послѣднюю шишку, и потомъ долго еще продолжала она идти по острому гребню хребта. Объ этомъ, впрочемъ, можно было судить только по догадкѣ, слыша съ обѣихъ сторонъ журчанье горныхъ рѣчекъ, такъ какъ кромѣ дороги, едва чернѣвшей на бѣломъ снѣгѣ, рѣшительно ничего не было видно: такъ темна была сентябрская ночь.

При спускѣ дорога была не лучше. Много попадалось такихъ мѣстъ, гдѣ приходилось скатываться, сидя, по обледѣвшей голой плитѣ или прыгать черезъ довольно глубокія промоины. Но эти маленькія непріятности для войскъ были дѣломъ шуточнымъ; солдаты шли весело, какъ будто сейчасъ послѣ ночлега. Видно, спускъ, какъ бы онъ ни былъ крутъ, все-таки лучше подъема.

Но, несмотря на скорую ходьбу, едва только къ тремъ часамъ пополудни баталіонъ достигъ жарскихъ эйлаговъ (*), гдѣ штабъ и кавалерія покоились уже крѣпкимъ сномъ.

Размѣстивши баталіонъ какъ попало, мы вскорѣ послѣдовали тому же примѣру. Утомленіе всѣхъ было такъ велико, что черезъ нѣсколько минутъ слышны были только мѣрные шаги чаровыхъ да ржаніе коней.

Холодъ, хотя и не такой сильный, какъ на Гутурьдахъ, скоро, однако, разбудилъ многихъ и заставилъ позаботиться о кострѣ, который тотчасъ же и запылалъ, такъ какъ бурьяна было довольно. За нимъ появился другой, третій, и наконецъ весь лагерь иллюминировался множествомъ огоньковъ, какъ будто празднуя свой переходъ.

А вотъ и разсвѣло! вотъ и ѣсть захотѣлось, а ѣсть нечего, потому что провизія со выюками и маркитантами остались на горѣ и придутъ не раньше, какъ къ четыремъ часамъ пополудни. Къ счастью, поручикъ П., большой гастронômъ, предложилъ себя къ услугамъ, взявшись изготовить обѣдъ. Достали сухарей, немного крупъ и еще меньше свиного сала, а за посудой дѣло не стало: у каждаго кавказскаго солдата виситъ за пояснымъ ремнемъ котелокъ.

(*) Эйлагами называются горныя пастбищныя мѣста, куда жители, во время лѣтнихъ сильныхъ жаровъ, выгоняютъ свою барантѹ.

Прошу извиненія у читателя за то, что я вдаюсь въ описаніе такихъ подробностей, какъ, напримѣръ, приготовленіе походныхъ блюдъ, когда дѣло идетъ о спасеніи края; но кто голодалъ сутки полтора, какъ голодали мы, тотъ пойметъ, почему я не могъ умолчать о нашемъ походномъ столѣ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: супа и чего-то въ родѣ жаркаго или пирожнаго. Во вскипяченную въ котелкѣ воду положили щепотки двѣ крупъ и кусочекъ сала для навара; покипѣло немножко, и супъ готовъ. Второе блюдо было еще проще. Въ наперочную крышку положили размоченныхъ въ водѣ сухарей и также немного сала, и поджарили ихъ. Вотъ вамъ и жаркое развѣ только потому, что поджаривалось. И то и другое было такъ вкусно, что черезъ нѣсколько секундъ и котелокъ и крышка были опорожнены до дна.

Хотя первый голодъ и былъ удовлетворенъ, однако мы съ нетерпѣніемъ поглядывали въ ту сторону, откуда должны были показаться выюки, чтобъ хорошенько отдохнуть въ палаткѣ за стаканомъ горячаго чая, а отдохнувши, отъ нечего дѣлать, и пулюку сыграть, когда болтать надоесть.

Около четырехъ часовъ появился и остальные три баталіона, со выюками, но съ порядочнымъ недочетомъ и въ тѣхъ и въ другихъ. Разбили палатки, все пришло въ свой обыкновенный походный порядокъ.

5 сентября отрядъ продолжалъ спускаться къ самымъ Закатамъ. По мѣрѣ приближенія къ селенію Джаръ, живописно расположенному отдѣльными саклями между густою зеленою фруктовыхъ деревьевъ и винограда, становилось все теплѣе и теплѣе, природа живѣе и разнообразнѣе, какъ-то нѣжнѣе, мягче. Вслѣдъ за лугами показался мелкій кустарникъ, за нимъ наша русская родимая сосна, дальше береза, дубъ, букъ, чинаръ, орѣхъ, каштанъ и виноградъ. Намъ казалось тогда, что мы спускаемся въ какую-то обтѣванную землю, послѣ стужи на вѣчныхъ снѣгахъ Гутуръ-даха.

IV.

По приходѣ въ Закаталы, небольшой дагестанскій отрядъ расположился лагеремъ по гласису укрѣпленія, гдѣ и имѣлъ ночлегъ, а 6 сентября, оставивъ лагерь неснятымъ, двинулся къ укрѣпленію Мысльдыгеръ, по дорогѣ, ровной какъ ладошь. Пройдя же рѣчку, дорога круто поднимается къ са-

тому укрѣпленію; но нашъ отрядъ былъ остановленъ у подошвы горы, такъ какъ Шамиль, 5 числа вечеромъ, сдѣлавши неудачную попытку взять штурмомъ укрѣпленіе, послѣ продолжительной блокады, въ ночь съ 5, на 6 сентября, незамѣтно исчезъ со всѣмъ своимъ скопищемъ. Утромъ только виднѣлся, на противоположномъ скатѣ горы, хвостъ его партіи, медленно поднимавшейся безъ всякой добычи.

Итакъ, Лезгинская линія была спасена смѣлымъ движеніемъ нашего отряда черезъ Гутуръ-дахъ, но—увы!—ненадолго. Не дальше, какъ въ слѣдующемъ году, Шамиль снова спустился на плоскость, разграбилъ Кахетію и безнаказанно вернулся въ горы съ богатою добычей.

Въ тотъ же день дагестанскій отрядъ возвратился къ Зака-таламъ, гдѣ и отдыхалъ нѣсколько дней.

На другой или на третій день по освобожденіи Лезгинской кордонной линіи отъ вторженія горцевъ, пріѣхавшій въ Зака-талы одинъ изъ адъютантовъ бывшаго тогда главнокомандую-щаго кавказскимъ корпусомъ, свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова, привезъ георгіевскіе кресты на нижнихъ чинахъ лезгинскаго отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ предписаніе о назначеніи Нижегородскаго драгунскаго полка и двухъ баталіоновъ Ширванскаго полка въ составъ арміи, дѣйствующей въ Азіатской Турціи. Драгуны пошли прямо изъ Закаталъ въ урочище Карагачъ, нѣкогда свою штабъ-квартиру, а оттуда двинулись въ Александрополь. Настоящую же свою штабъ-квартиру, укрѣпленіе Чиръ-Юртъ, пришлось имъ видѣть уже по окончаніи войны. Ширванцы были счастливы: они должны были зайти предварительно къ себѣ въ урочище Кусары, чтобъ перемѣнить вьючный обозъ на колесный.

Около 10 сентября, дагестанскія войска, за исключеніемъ драгуновъ, выступили изъ Закаталъ обратно въ Дагестанъ, по другой дорогѣ, идущей сперва по Алазанской долинкѣ, потомъ нѣсколько верстъ по Шинскому ущелью и отъ деревни Шинъ круто поднимающейся на Салаватъ. Затѣмъ она спускается къ пограничному селенію Ахтинскаго округа, къ аулу Борчъ.

Дагестанцамъ, привыкшимъ ходить по горамъ шагъ за шагомъ, переходы по плоскости были шуткою. Несмотря на сильный жаръ и на обыкновенную ношу, дѣлали переходы въ 25 и 30 верстъ безъ привала, безъ отдыха, вплоть до Шинскаго

ущелья, гдѣ шагъ опять сдѣлался медленнѣе, шире, флегматичнѣе.

Не доходя до Шинскаго ущелья версты за двѣ, вся мѣстность покрыта ровнымъ слоемъ крупнаго песчаника, изъ-подъ котораго мѣстами высовывались огромные карчи. Этотъ слой, по мѣрѣ приближенія къ устью ущелья, становился все толще и толще. На мой вопросъ, одинъ изъ туземцевъ, ѣхавшихъ въ свѣтѣ князя Аргутинскаго, отвѣчалъ лаконически: «сель».

Послѣ я узналъ, что извѣстное на Кавказѣ явленіе, называемое «сель», очень обыкновенное въ горахъ, состоящихъ изъ крупно или мелко-зернистаго песчаника и шифера.

Сель идетъ всегда во время продолжительныхъ и сильныхъ дождей; образовавшіеся отъ нихъ ручьи въ многочисленныхъ промоинахъ, имѣя огромное паденіе, несутся съ неимоверною быстротою, захватывая зерна песчаника, кусочки шифера и землю; наконецъ, соединясь въ одну массу, низвергаются на дно ущелья. Здѣсь, продолжая двигаться шумно и быстро, сель разрушаетъ все, что попадаетъ на пути: сакли, деревья, карчи, а часто и огромной величины каменья, и, все болѣе и болѣе густѣя и увеличиваясь въ объемѣ, достигаетъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что занимаетъ всю ширину ущелья, при нѣсколькихъ десяткахъ футахъ высоты.

Такая движущаяся масса, по причинѣ своей значительной густоты и стремительности, не можетъ разлиться подобно водному потоку, а идетъ наклонной стѣной. По выходѣ же изъ ущелья, сель, не имѣя съ боковъ опоры, разливается на довольно большое разстояніе, сохнетъ и образуетъ видѣнный нами, при началѣ Шинскаго ущелья, слой плотно улегшагося песчаника.

Послѣ разработки дороги черезъ Салаватъ, было приступлено къ устройству моста черезъ незначительную рѣчку, протекающую по Шинскому ущелью, которая, во время дождей, какъ всѣ горные ручьи, быстро превращается въ бурливый потокъ. Мостъ уже подвигался къ концу, какъ случившаяся въ одинъ прекрасный день сель уничтожила до основанія мостъ съ находящимися на немъ рабочими и инженернымъ офицеромъ, наблюдавшимъ за работой.

Переночевавъ около деревни Шинъ, дагестанскій отрядъ началъ медленно подниматься на Салаватъ по дорогѣ вполнѣ разработанной, шириной сажени въ двѣ и идущей сперва между

богатою растительностію лѣсной полосы, потомъ по полосѣ луговой и наконецъ вьется зигзагами между обнаженными скалами до самаго перевала. Такая послѣдовательность въ распредѣленіи растительнаго царства замѣтна только на южныхъ покатостяхъ горъ; сѣверныя же большею частію мрачны и дикы, по отсутствію всякой растительности, исключая мелкаго кустарника и мха.

Несмотря на хорошо разработанную дорогу, отрядъ только къ восьми часамъ вечера достигъ селенія Борчъ, откуда, на другой день, князь Аргутинскій-Долгоруковъ, со своимъ штабомъ, кавалеріей и двумя баталіонами Ширванскаго полка, направился черезъ Рутульскій перевалъ опять въ Кумухъ. Остальные два баталіона того же полка выступили въ свою штабъ-квартиру, въ урочище Кусары, чтобъ немного отдохнуть и приготовиться къ новому походу въ Азіатскую Турцію.

Оставшіяся въ Косурѣ войска, по отступленіи Шамиля, получили приказаніе двинуться по той же дорогѣ обратно въ Кумухъ, гдѣ должны были ожидать возвращенія князя.

Этимъ я и заканчиваю свой разсказъ «о походѣ историческомъ и безпримѣрномъ», который смѣло можетъ стать въ паралель съ переходомъ Суворова чрезъ С.-Готаръ.
